

Евсей Кац

Америка — опасная страна

Сборник рассказов
1990-е

Америка — опасная страна

Особенно для женщин. Особенно для советских. Американские мужчины для советских женщин особенно опасны. У моей знакомой из-за этого целая трагедия. Она в России к каким мужчинам привыкла? К нормальным. То есть к таким, которые ее почти не замечали. Разве что на работе коллега-инженер стрельнет треху до полочки и забудет отдать, или в автобусе кто-то рявкнет зычным басом: «Ну чего проход загородила?! Не видишь, людям выходить надо.» Да еще муж иногда скажет: «Ну где тебя черти носят? Я с работы голодный пришел! Жрать хочу — нету мочи!»

А в Америке мужчины предстали перед ней в каком-то диком виде, и это на нее сильно повлияло. Правда, ей еще и не повезло. Посиди она, как другие, сперва лет десять на велфере, пообвыкни, может быть, потом ничего и не случилось бы. А ей

сразу работа подвернулась. Да еще какая! В большой компании с компьютерами. Сиди себе за компьютером в светлой комнате с кондиционером и черти.

Мимо, правда, мужчины проходят, но моя знакомая еще тогда не знала, какие они здесь в Америке опасные. Ее только насторожило, что запах от них исходит какой-то неестественный. Не мужской запах. Ни от кого даже по понедельникам не несет перегаром. Ни от кого — табаком. Да что там перегаром или табаком. Простыми несвежими носками не пованивает! Ей бы с этим к какому-то опытному человеку сразу обратиться. Да где ж его взять? Все подруги без работы и без всякого опыта по части американских мужчин.

Моя знакомая сперва немного поплакала от страха, а затем вроде бы пообвыкла. А вышло, что зря. Мужчины неестественность не только в запахах, но и в разговорах проявлять стали. Чуть что норовят «спасибо» сказать. Она шефу чертеж приносит, тот ей сразу «сенкью», потом ее ошибки исправит и опять «сенкью» говорит. Она чертеж этот с учетом ошибок переделает, приносит опять шефу на проверку, а он ее новые ошибки исправит и снова с улыбкой свое проклятое «сенкью» говорит.

Она платье на распродаже купила. Ничего особенного, обычное платье за два доллара или за

три. Надела его на работу. Мама родная, что тут началось! Какой мужчина не пройдет, обязательно остановится и скажет, как ей хорошо в новом платье.

А один сотрудник ее на ланч в настоящий ресторан пригласил. Моя знакомая сидит в этом ресторане, и ей кусок в горло не лезет. И все страшные мысли одолевают: «Это же после ресторана он меня, как полагается, в отдельный номер пригласит. Боже, что же делать? Как после этого мужу в глаза смотреть?» Но сотрудник за нее заплатил и обратно на работу отвез. Просто чудеса, да и только! Это же надо, столько долларов на нее потратил и даже ни разу не пристал!

И стала она думать да гадать, что же они все от нее хотят? Долго думала, пока наконец не сообразила. Все же была она женщина неглупая. С высшим техническим образованием. Вспомнила она, как ее муж за ней ухаживал, когда еще был женихом. Тогда у него и «спасибо» с языка срывалось, и мылся он чуть ли не каждую неделю, и сводил ее один раз в студенческое кафе, заплатил за мороженное с рогаликом, а потом проводил до общежития. И даже не попросился «на чашечку кофе». Кофе, правда, у нее не было, но это не имело значения. Вахтерша все равно его бы не пропустила. У них на этот счет было строго — мужчинам через дверь не разрешалось. И вот

только тогда, только в то время муж говорил, что любит ее. Значит, выходило, что все мужчины у нее на работе влюблены в нее. И моя знакомая поверила, что она женщина, в которую могут влюбляться мужчины.

И тут для нее началась новая жизнь. Она пошла к парикмахерше. Да не к какой-то тайно практикующейся на дому эмигрантке, которая карнает волосы тупыми, привезенными еще из России, ножницами. Она пошла в настоящий салон. Оттуда она пошла в салон косметический. А затем она сделала то, о чем только читала в книжках о жизни миллионеров. Она сделала себе массаж всего тела.

После массажа она поняла, что до сих пор ее жизнь была просто дерьмом. Она пошла в дорогой магазин и купила себе пальто. Затем немного подумала и купила себе еще одно пальто. После второго пальто она поняла, что «Рубикон перейден» и возврата к прежней жизни, где ее никто не любил, быть не может. И она почувствовала себя бесконечно счастливой, что приехала в Америку.

Когда на следующий день в одном из двух новых пальто она пришла в свой офис, ее сразу позвали к шефу. Тот сообщил ей, что в связи с рецессией дела у компании пошли хуже, чем ожидалось. Чтобы выжить, они вынуждены сократить штаты. Он сожалеет, но так как она была

последней взята на работу, то уволить придется ее.

«Как это уволить?! — закричала моя знакомая. — Я думала, что вы все... А вы вот как!» И она закатила безобразный скандал с оскорблениями и угрозами.

Теперь у моей знакомой большие проблемы. Работу найти она не может, потому что везде требуют рекомендации. А с предыдущей работы ее рекомендуют, как психически неуравновешенную. Пальто у нее обратно не принимают, потому что она выбросила чек. А хуже всего то, что теперь она ждет, что ее будут любить.

Мы преуспеваем

Когда мы приехали в Америку, только один член нашей семьи не имел проблем с английским. Это был наш пес Джим. Не удивительно, что он первый нашел работу. Когда он прогуливался, соседский пес кусал его. Мы бежали в суд. Один укус стоил триста долларов! Но Джим был угнетен. Он не мог чувствовать себя настоящим псом. И в конце концов случилось то, что должно было случиться. Он поймал на улице кошку и разорвал ее в клочья. Хозяева кошки подали на нас в суд. Кошка оказалась очень дорогой. Мы заплатили все, что Джим заработал, и еще остались должны. К тому же Джим потерял работу, потому что соседи

продали своего пса и тоже купили кошку.

Я собрал семью. «Мы не хуже собаки! Мы тоже можем работать!» — сказал я и со значением посмотрел на тещу. Но моя жена закричала: «Нет! Моя мама не любит, чтобы ее кусали.» А теща ехидно заметила: «В мое время на жизнь зарабатывали мужчины.» Я всегда знал, что она меня ненавидит. Я сказал: «Ну что ж.» И с достоинством вышел на улицу.

Я бродил по улицам три дня и три ночи, но ничего не случилось. Никто меня не кусал, только грабили. Если бы несколько женщин не попытались изнасиловать меня, можно было бы считать, что я зря потратил время.

На четвертый день я случайно оказался у ворот зоопарка. Счастливая мысль пришла мне в голову. Я влез в клетку к волку, и он от все души искусал меня. Мы оба были довольны. Когда я уходил, он благодарно лизнул меня несколько раз. Я знал за что. Я дал ему возможность почувствовать себя волком опять.

Не теряя времени, я прямо из зоопарка побежал в суд. Тысяча долларов! Один укус стоил тысячу долларов!

Дома семья с благоговением считала мои укусы. «Вот видите, мама, — сказал я теще, — вы могли бы получить вдвое больше, учитывая то, что вы вдвое толще.» «Прости меня, дуру старую,

сын,» — ответила теща, впервые назвав меня сыном.

Недавно, благодаря тому, что мне удалось проникнуть в вольер к медведю, мы купили дом. Сейчас я собираюсь стать бизнесменом. Я присмотрел одну симпатичную электрическую компанию. Она стоит около миллиона. А в нашем зоопарке есть один лев. Очень приличный на вид лев и, кажется, с хорошими зубами.

О светлом

После того, как сразу несколько журналов отказались печатать мои рассказы, сославшись на то, что написаны они о вещах грубых и пошлых и насквозь пронизаны нездоровыми сексуальными влечениями героев друг к другу, я решил сменить тематику.

— Все, — сказал я жене. — Отныне буду писать только о светлом добром и очень чистом.

— Правильно. Выгляни в окно. Вокруг так много замечательных людей с прекрасными мыслями и поступками, — поддержала меня жена, видимо, вдохновленная тем, что сменив длинную юбку на шорты, получила на улице массу комплиментов.

Я сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и стал смотреть в окно. Мимо на

машинах проносились американцы с их неведомой мне жизнью — в которой, наверное, было много светлого, доброго, прекрасного и правильного. Проходили такие же эмигранты, как и я. Я записал: «Вот прошел Слава. Ему нужна работа. Прошел Борис. Ему тоже нужна работа. А вот прошла Лиза. Ей нужны работа и муж, потому что она — мать одиночка.»

Я перечитал написанное. Про Славу и Бориса вроде бы хорошо получилось. Светло и чисто. Не подкопаешься. А вот про Лизу не очень. В словах «нужны... муж» ощущается прежняя тяга автора к сексу. Я решительно зачеркнул про мужа и стал дальше смотреть в окно.

«А вот хромает Давид, — записал я. — У него не было работы десять месяцев. Потом ему нашли работу на стройке. Довольный, он радостно носился по этажам строящегося небоскреба, таща на себе строительный мусор. Потом ему на ногу упала бочка с цементом и он перестал носиться.

«Бочка с цементом — слишком грубо, — подумал я. — Пусть ему на ногу... сядет бабочка. Обычная белая бабочка. И Давид станет вспоминать, как... он гнал тяжелый грузовик по бетонке. За окнами мелькали деревья. Сплошь березы. Вдруг впереди на шоссе опустилась белая бабочка. Давид отчаянно надавил на педаль тормоза. Визжа, машина завертелась волчком,

перевернулась, перекувырнулась в воздухе и упала в сантиметре от бабочки. Из горящей кабины выполз Давид. Он осторожно, чтобы не повредить крылышки, взял бабочку своими заскорузлыми шоферскими пальцами и, прихрамывая на ушибленную ногу, понес ее в ромашковое поле. Там со словами: «Живи, кроха!» он бережно опустил ее на цветок... Опять занает, запульсирует прежней болью нога Давида, придавленная тяжелым грузом воспоминаний.»

Так-то лучше. Правда, настоящий Давид был в России директором магазина ковровых изделий и, скорее всего, умервщлял бабочек нафталином, считая их всех молью. Но нафталин — это грубо и неэстетично.

Мимо окна снова прошла Лиза. Я быстро записал: «Снова прошла Лиза. Все-таки фигурка у нее...»

«Опять ты за старое!» — прикрикнул я на себя и выбежал на улицу.

— Слушай, Лиза, — сказал я. — Не могла бы ты гулять где-то в другом месте?

— А твоя жена дома? — с надеждой спросила Лиза.

— Дома, дома, — ответил я.

— Ну тогда здесь действительно гулять нечего, разочарованно сказала Лиза и ушла.

Я вернулся в дом и снова стал смотреть в

окно. Прошли Сережа с Милой. На днях оба потеряли работу. Преисполненные самых светлых чувств, они отчаянно ругались. Я решил расцветить сухие факты описанием природы и записал: «Посреди буйно зеленеющих кустов жасмина Сережа привлек Милу к себе и поцеловал.» Подумав, добавил: «... в лоб». Подумав еще на всякий случай зачеркнул «к себе» и «поцеловал». Но получалась ерунда. Совершенно непонятно, как и за что привлек Сережа Милу, да еще в лоб.

«Э нет. Мужчине и женщине находиться вместе в твоих предложениях не рекомендуется», — сказал я себе и вычеркнул Сережу с Милой. Остались кусты. Но что-то меня в них насторожило. Я перечел несколько раз. Стоп. Зеленеющие, но чем? Кусты зеленеют своими листьями летом, а если действие происходит зимой? Зимой кусты могут зеленеть, например, от того, что в них сидят люди в зеленой одежде. А одежду, как известно, можно снять, не зря же люди полезли в кусты. Благо зимы в Америке местами бывают теплыми. Кошмар! Какая изощренная порнография! Правильно, что меня не печатают.

Я тщательно зачеркнул написанное о кустах и стал всматриваться в окно в надежде увидеть что-то истинно светлое и, вместе с тем, не имеющее ни малейшего отношения к сексу и прочим пошлостям. За окном светило солнце и легкий

ветерок трепыхал флаг на соседнем доме. Сжав ручку до побеления пальцев я написал: «Светило солнце.» Так... Раз светило, то могло и не светить. И тогда было бы темно... Но даже ребенок знает, что в темноте люди убивают, грабят, совокупляются...

«И все эти мерзости ты подразумеваешь в своем «светило солнце»! — сказал я себе. О, ужас! Пот проступил у меня на лбу. Собрав волю в кулак, я написал: «Дул легкий ветерок». Ага, и задира л женщин юбки. Я швырнул ручку в угол и в отчаянии бросился на кровать. Какой стыд! Я вскочил и заметался по комнате.

— Что с тобой? — испуганно спросила жена. — Ты весь красный. Наверное, у тебя поднялась температура или давление.

— И не надейся! Я знаю на что ты намекаешь этим своим «у тебя поднялось давление». Отныне никакого секса! Никаких кустов, солнц, ветерков. Все! С меня довольно-о-о!

Очнулся я на больничной койке. Медсестра рассказала, что несколько дней я метался в бреду. А я заметил, что у нее потрясающий бюст. В тот день, когда я смог ей это объяснить, меня выписали из больницы совершенно здоровым.

Что продавать в Америке

Вы меня знаете. Я человек скромный, со средними умственными способностями. Такие как я живут на одну зарплату. Но жена пристала: «Открой, да открой свой бизнес. Богатыми станем в Америке.» Я книжки почитал, на интернет сходил, лоун получил, открыл магазин. Сижу думая, что я в нем продавать буду. Жена советует: «Продавать надо то, что будут покупать.» У всех жены, как жены, а мне умная попалась. Друзья подсказывают: «Старик. Тебе нужно что-то такое, чего нет у других. Например, в одной половине магазина — бульдозеры, а в другой — лифчики.» Вначале мне эта идея понравилась. Заходит, значит, женщина и сперва покупает лифчик, а потом подбирает к нему бульдозер. Но когда я посмотрел дорожно-ремонтные каталоги, то понял, что это работать не будет. Все бульдозеры — желтого цвета. К ним ничего, кроме желтого не подходит. А сколько у меня женщин было, ни одной не помню в желтом бюстгалтере.

Сижу месяц, сижу два, все думаю. Родственник звонит. «Давай, — говорит, — будем в твоём магазине мое последнее изобретение продавать: карманные солнечные часы для мужчин. А к ним прозрачные брюки, чтобы солнце к часам проникало.» Я сперва загорелся. Такого даже в Швейцарии нету. Ну а потом мозгами пораскинул и понял, что это тоже не пойдёт. Солнце-то не только

к часам проникать будет. Оно и к самому нежному и чувствительному мужскому месту доберется. Ну кто же это из мужиков захочет ходить с обгорелым...?

Сiju год в пустом магазине и думаю. Ничего придумать не могу. Проходим кукиши в окно показываю. Больше у меня ничего нету. Вдруг заходит один. «Что это ты такое интересное показываешь?» Вот это да-а! Оказывается американцы не знают, что такое обыкновенная дуля! А еще считают себя передовой нацией. И тут меня осенило. Побежал я в соседнюю кондитерскую, скрутил им фигу, посыпал ее маком и спрашиваю: «Такое испечь можете?» Через неделю я всюю продавал печенные фиги и всякую фиговую символику. Магазин назвал «На фигу вам это надо.» На крышу поместил огромную светящуюся дулю, устремленную пальцем в небо.

Когда американцы спрашивают, что эта комбинация из трех пальцев значит, я говорю, что это древний скифский символ изобилия и дружелюбия. Им нравится. Раньше они при встрече обнимались и целовались, а теперь по-нашему суют друг другу фигу под нос.

Парк развлечений

После посещения с сыном Кингс Айленда¹ я чувствовал себя, как солдат, доживший до конца войны. Хотелось петь, смеяться и целовать встречных женщин. Что я и сделал, придя домой.

— Ты случайно не выпал из ролокостера²? — спросила жена, морщась, как всегда в таких случаях.

— Ай вил сурвайв. Тра-та-та-та, — пропел я. — Ролокостер — это детский лепет.

Сказав это, я невольно вспомнил «Бист» и «Вортек»³. Внутри у меня тут же все перевернулось, глаза застыли, а рот открылся в немом крике.

— Ты обязательно должна попробовать. Получишь неопишное удовольствие, — сказал я и вытер проступивший на лбу холодный пот. — Я даже готов заплатить тебе за это сто долларов, так сильно я хочу, чтобы ты получила это удовольствие.

— С чего это ты так расщедрился? — с подозрением спросила жена.

¹ Кингс Айленд — парк развлечений в штате Огайо.

² Ролокостер — американские горки, аттракцион.

³ Бист и Вортек — название американских горок.

— Хочу, чтобы у нас были общие воспоминания, — ответил я.

— Надо подумать, — серьезно сказала жена.

— Подумай, — согласился я. — Я постараюсь не пользоваться телефоном в ближайшие два дня.

Подумать у жены значило обзвонить подруг.

— Есть мнение, что ты хочешь меня убить, чтобы получить страховку, — сказала жена через два часа.

— Кетрин, — констатировал я. — Есть мнение, что после пятого развода она слегка недолюбливает мужчин. Но ты не бойся. К счастью, у тебя никакой страховки нет. Так что подумай еще.

Глубокой ночью я проснулся от возмущенного шепота:

— Нашел дуру! Всего сто! Я точно знаю — это стоит, как минимум четыреста.

— У Лизы параноя. Она торгуется даже с телефонным автоматом: все время пытается всучить ему дайм⁴ и два удара кулаком. Думай.

На следующий день жена сказала:

— Сама я на это дело не пойду.

— Как хочешь. Иди с кем-то. Но деньги те же.

— Ты все о деньгах, — с презрением сказала жена. — Ты даже не подозреваешь, что есть

⁴ Дайм — десятицентровая монета.

настоящая крепкая женская дружба.

— Науке об этом неизвестно. Подозреваю, что она существует только в нездоровом воображении Полины.

На следующий день моя жена и Полина стояли в очереди к «Бисту». Обе были смертельно бледны. Я пытался их ободрить.

— Страшно только вначале. Затем думаешь: «Какой я был дурак, что боялся раньше. Тут такое начинается.» Не сдерживайте себя. Если хочется блевать — блюйте. Не беспокойтесь о том, что ветер задерет вам юбки и мужчины внизу увидят ваше белье. Вы проносите мимо них на такой скорости, что кажетесь бесформенными кусками мяса. И главное, не пытайтесь звонить друг дружке во время замедления, чтобы обменяться впечатлениями. Отдайте мне ваши сотовые телефоны. Были случаи, когда они протыкали тела своих владельцев.

Жена зашаталась, но Полина подхватила ее и внесла в кабину. Ролокостер заурчал, как тигр перед приемом пищи, и двинулся.

Когда все было кончено, ко мне подошел служащий парка и попросил пройти с ним.

Женщины сидели в кабине, не отпуская металлических поручней. Они не отвечали на вопросы и не мигая смотрели вперед. Несколько техников суетились вокруг них, пытаясь разжать их

пальцы.

— Ступор, — сказал один из них. — У нас есть еще несколько минут. Может вам удастся. Хочу вас предупредить. Если не успеем, придется их ...

Он замолчал и виновато отвел глаза.

Я решил прощупать почву и начал с ничего не значащей фразы:

— Дорогая, у тебя муж и дети. Ради них ты должна оставить этот ролокостер и пойти домой.

Как я и ожидал, это не подействовало. Тогда я решил пустить в ход тяжелую артиллерию.

— Звонили твои подруги и оставили тебе важные месиджи⁵. Хочешь их послушать?

Никакой реакции. Это было серьезнее, чем я думал.

— Последняя минута, — предупредил техник.

— Если вы сейчас же не уйдете, вас запустят еще на один виток! — выкрикнул я.

Женщины вскочили, вырвали с мясом железные поручни и побежали.

— Вот это сила! Не приведи господи встретиться с такими в темном переулке, — испуганно прошептал техник.

Жена и Полина еще долго не могли разжать

⁵ Месидж (англ.) — в данном случае звуковое послание.

пальцы. Я должен был кормить их из ложечки и ухаживать за ними, как за малыми детьми. Им это нравилось. Полина предложила пальцы вообще не разжимать, а поручни сварить, чтобы никогда не расставаться. Были и другие предложения. Кетрин предложила объявить меня истязателем женщин и отдать под суд. Лиза потребовала, чтобы я оплатил каждую минуту страданий. По ее подсчетам я должен был своей жене 69 миллионов. Я сказал, что это абсурд. Она согласилась и скостила пять миллионов.

В конце концов все наладилось. Пальцы сами по себе разжались, и я выбросил железяку на мусор. Единственное, что напоминало нам о том событии, это медицинские счета. Их присылали нам мужчины, которые иногда неосторожно протягивали моей жене руку для пожатия.

Однажды жена пришла домой поздно. Ее глаза горели, как у Анны Каренины после первого свидания с Вронским. Я сразу заподозрил что-то нехорошее.

— Я прыгнула с моста, — торжественно сказала она.

— Прямо в песочницу? — усмехнулся я., подразумевая полуметровой высоты пластмассовый мостик на детской площадке неподалеку.

— Это был банджи джампинг ⁶, — продолжила жена, не замечая моей иронии. — Мы с Полиной долго летели взявшись за руки в бездну. Теперь мы все хотим попробовать парашют. Представляешь, Кетрин, Полина, Лиза и я образовываем в небе звезду.

— Представляю, — прошептал я и внутри у меня все похолодело от страшного предчувствия.

— Кстати, для звезды нам нужен пятый партнер. Мы решили взять тебя. Ты же сам хотел, чтобы у нас были общие воспоминания.

Добряк Грузман

(Из цикла «Грузман без прикрас»)

Грузман забежал к своей хорошей знакомой Людмиле.

— У меня только полчаса: жена за продуктами послала. Постели не надо. Давай прямо здесь на ковре.

Через десять минут он уже одевался.

— Найди мне мужа, — попросила Людмила.

⁶ Банджи джампинг (англ.) — прыжок с большой высоты со страховочной веревкой.

— Где телефон? — спросил Грузман. — Я Лехе позвоню.

Он набрал номер.

— Леха, ты жениться хочешь? — спросил он и, повернувшись к Людмиле, сказал. — Не хочет.

У порога он обернулся. Людмила так и осталась лежать с задранной юбкой.

«Как-то нехорошо получилось», — подумал Грузман.

Он вернулся и опять позвонил.

— Борис? Выручи. Нет не деньги, так пустяк. Женись. На ком? Да есть тут одна.

— Сколько ты зарабатываешь? — спросил он у Людмилы.

— Прилично, — ответила та.

— Тебе хватит, — сказал Грузман Борису. — А детей сколько?

— Один, — сказала Людмила.

— Детей совсем почти ничего. Ну как, согласен? Не тяни кота за хвост. Вот зануда. Вот так бы сразу! Он согласен.

— Ой, — растерялась Людмила. — А я даже не накрашена.

«Надо спешить, — посмотрев на часы, подумал Грузман. — Надо спешить делать добро.»

И он поехал в магазин покупать продукты.

Звонки

Когда мне бывает тоскливо и одиноко, я звоню своим друзьям, которых у меня много. То есть три. Это Юрка, Том и Бронислава. Сперва я набираю Юркин номер. Это очень длинный номер, потому что Юрка живет теперь в какой-то незнакомой мне стране. То ли в Кабардино-Чувашии, то ли в Объединенных Молдавских Эмиратах. Звонить туда из Америки очень дорого, но чего только не сделаешь, чтобы услышать голос старого друга.

— Привет, Юрок, — говорю я тихо, так как не знаю, который сейчас там час. Вдруг ночь, и я своим радостным криком разбужу Юркину жену и детей. Есть ли они у него, мне неизвестно, но излишняя вежливость никогда не помешает.

— Кто это? — нервно спрашивает Юрка.

— Да это я, — отвечаю я и сразу, чтобы не томить Юрку, напоминаю ему о самом ярком событии в нашу дружбу. — Помнишь, на свадьбе в студенческом общежитии мы жениха напоили и уложили спать в ванну в женской душевой? Утром девушки пришли принимать душ, разделись, а он подымается. Вот смеху то было! Нас еще за это из института исключили.

— Не помню, — после некоторого раздумия говорит Юрка.

— Ну как же, — говорю я. — Институт еще

был в таком большом сером здании.

— А-а, припоминаю. Не ты ли, козел, с этой чушью звонил мне год назад?

На этом наш с ним разговор обычно заканчивается. После Юрки я всегда звоню Тому. Хочется быть узнанным. Хочется чтобы кто-то радостно выкрикивал твое имя и спрашивал, как ты поживаешь и почему не звонишь. Все это делает Том. Он продает пылесосы. Каждый может позвонить ему, назвать свое имя, и тогда Том с энтузиазмом воскликнет: «Хелло, такой-то! Как поживаешь?» Затем он начнет рассказывать, какие замечательные у него пылесосы и станет уговаривать их купить. Я всегда обещаю Тому подумать и перезвонить. Я знаю, что он ждет этого с нетерпением.

И, наконец, я звоню Брониславе. Бронислава — это ее не настоящее имя, а конспиративная кличка, которую я ей присвоил. Я сделал это, чтобы ненароком где-нибудь не проговориться. А настоящее ее имя Шерон Стоун. Может это имя тоже ненастоящее и ее папаша был не Стоуном, а Амброзини или Перельмутером, но под именем Стоун ее знает весь мир. Ее телефон мне под большим секретом дал человек, который назвался ее личным водопроводчиком. Я заплатил ему за это триста долларов. Он предупредил меня, чтобы я держал этот телефон в страшной тайне, потому что

охотников звонить ей очень много, и, если они начнут ей надоедать, она быстренько поменяет номер — и я потеряю свои деньги. Еще он пытался продать мне туалетную бумагу из ее персонального туалета, но что мне вещи, пускай даже дорогие!

Я стараюсь не злоупотреблять звонками к Стоун. Я звоню ей только в минуты отчаяния, когда продолжать мою постылую жизнь мне кажется бессмысленным. Дрожащей рукой я набираю ее номер и слышу полный затаенной страсти голос, который говорит: «Оставьте мессидж». Ничего другого мне пока услышать не удалось. Но мне и этого достаточно. Это убеждает меня, что творчество, успех и большие деньги РЕАЛЬНО существуют в этой стране, а не являются выдумкой прессы. И, значит, и я имею шанс все это получить, если буду упорно работать.

И, вдохновленный этим, я весело бреду на службу и с твердой уверенностью думаю, что придет день, когда я наберу знакомый номер, услышу знакомый голос и... оставлю мессидж. Мне будет что сказать Шерон Стоун или кто бы там ни был.

Утешения

На меня, как на каждого эмигранта, периодически нападает хандра. Я чувствую себя

ничтожным человеком, никому ненужным в этой стране. И тогда я иду за утешениями к своей жене.

— Послушай, — говорю я ей, плачущим голосом. — Кажется у меня серая внешность.

— Ну что ты, — отвечает жена, не отрываясь от телевизора. — У тебя кинематографическая внешность. Если тебе немного увеличить мускулатуру, ты вылитый Вуди Аллен. Если немножко подрасти, ты настоящий Дени Девиго. Если немножко прибавить волос на голове, то тебя не отличить от покойного Юла Бринера.

Я немного приободряюсь и иду звонить своему американскому приятелю, чтобы узнать у него, кто такие Вуди Аллен, Дени Девиго и от чего умер Юл Бринер. Не из-за того ли, что был недостаточно красив? Однако разговора не получается. Приятель совершенно не понимает мой английский. Я прибегаю к жене со слезами на глазах и кричу:

— Меня здесь никто не понимает. Я совсем не могу говорить.

— Ну что ты, — отвечает мне жена, не отрываясь от газеты. — Твоя речь очень похожа на речь американского президента, которому приходится произносить ее на русском языке.

Сравнение с президентом приводит меня в хорошее настроение. Настолько хорошее, что в кровати я пытаюсь заняться с женой сексом. Когда

у меня ничего не получается, я снова жалуясь ей:

— Я не могу вести себя, как мужчина, в постели.

— Ну что ты, — говорит мне жена, не выпуская журнал «Плейгерл» из рук. — В кровати ты лучше всех своих друзей вместе взятых.

Это меня совсем успокаивает и я засыпаю с блаженной улыбкой на устах. Однако посреди ночи мне приходит в голову страшная мысль. Я просыпаюсь весь в холодном поту, трясую жену за плечо и шепчу:

— Но ты же не станешь отрицать, что я доверчивый идиот?

Жена продолжает крепко спать, но на подушке лежит лист бумаги, на котором написано: «Не стану, если разбудишь.»

Это ее самое эффективное утешение. Я осторожно перебираюсь на диван и сплю тихо-тихо, как мышь.

Теплые вечера

Когда Мишу Гринберга жена выгоняет из дома, он приходит к Жене Гершунису.

— Пойдем погуляем, — говорит он Жене.

Женя обычно пьет молоко и смотрит по видео какой-то русский фильм. На журнальном столике у него всегда стоит вазочка с бананами.

— Опять жена выгнала? — спрашивает Женя.
«Ну и проницательный этот Гершунис», —
думает Миша.

— Садись, молока попей, — предлагает Женя.
Миша соглашается, пьет молоко и пытается
расшифровать цветные пятна на телеэкране.

— Ты кассеты из Нью-Йорка получаешь? —
спрашивает он.

— Угу.

— Ну и качество. Как ты можешь это
смотреть?

— Привык, — отвечает Женя.

— Спасибо за молоко, — благодарит Миша.

— Бери бананы, если хочешь, — предлагает
Женя.

Миша всегда берет один банан.

— Только может пронести после молока, —
предупреждает Женя.

Миша кладет банан обратно. Они выходят на
улицу. Стоит теплый вечер. (В ненастье жена
старается Мишу не выгонять.) Зеленеют уютные
улучки бывшего когда-то всецело еврейским, а
теперь наполовину черного района. Миша и Женя
медленно идут вдоль одной из них.

— А за что выгнала? — спрашивает Женя.

— Не знаю. Наверное, не любит, — грустно
отвечает Миша.

— Может у нее кто-то есть?

— Нет. Не думаю.

— Может она с Володей Корсунским крутит?

— Нет. Что ты!

— А может с Борей Рыскиным?

— Нет.

— А может с...

— И с ним тоже нет, — уверенно отвечает

Миша.

— Ни с кем, значит, — подитоживает Женя.

— Не замечал. Просто не любит. Была б у меня работа, любила бы.

— Да-а-а, — соглашается Женя. — Это они могут.

— А я, что виноват, что у меня работы нету? Я, что ее не ищу? В стране рецессия, а она мне: «А почему рецессия на других не распространяется? Вон посмотри на Розенблатов — уже дом покупают!»

— Ну так она с Геной Розенблатом крутит, — уверенно заявляет Женя. — Точно тебе говорю.

— Да ты что! Ему же шестьдесят.

— Зато деньги есть.

— Нет. При чем здесь Розенблат. Просто не любит.

— Раз не любит, надо уходить, — советует Женя.

— Вот и я хочу. Можно я у тебя сегодня переночую? — спрашивает Миша.

— Можно.

— Я только одну ночь.

— А потом что?

— Не знаю.

— Нет. Так не годится. Уходить надо сразу, насовсем и с вещами. Как я.

Некоторое время они идут молча мимо маленьких одинаковых четырехквартирных домов, окруженных газонами, кустами и разделенных дорожками для автомобилей. У одного из домиков Женя останавливается и смотрит на светящееся окно на втором этаже.

— Моя еще не спит, — констатирует он. — Она с Корсунским крутила, и с Рыскиным, и с тобой, наверное, тоже.

— Нет. Мне не до этого. Я работу ищу. Кому нужен безработный? — возражает Миша.

— А у меня свой бизнес. Не была бы душой, сейчас бы жила в собственном доме. Детей бы отдали в частную школу.

— Конечно, — соглашается Миша.

— Я бы давно уже дом купил. Только из-за детей здесь живу, — вздыхает Женя. — Мимо прохожу, их тени вижу, легче становится.

Миша тоже вздыхает и спрашивает:

— Только тени?

— Нет. Иногда и их самих. Но это хуже. Она их против меня настраивает. Старшая дочка, когда

меня видит, палки в мою сторону бросает.

Они поворачивают обратно, доходят до дома, где Женя снимает квартиру.

— Ну так как? Останешься? — спрашивает Женя.

— Нет. Ты прав. Уходить надо один раз.

— Ну что ж. Заходи, — говорит Женя и осекается. — То есть я хотел сказать...

— Да ладно, чего уж там. Работы пока не предвидется, так что уж, вероятно, буду... заходить, — с горечью говорит Миша, поворачивается и идет к себе.

Общий склероз

— Вчера мы смотрели кино с этой... как ее, — сказала моя сестра Юля за традиционным субботним обедом, который обычно собирал всю нашу семью у мамы в доме. Юля повернулась к мужу Осе за помощью.

— Вот именно, — веско сказал Ося. — С нею.

— С кем с нею? — начала закипать сестра.

— Оставь человека в покое, — вступилась за Осю мать. — Он же тебе ответил. С нею, с губастой такой. Ее и без имени все знают.

— А это та, которая отказывается сниматься голый! — воскликнул мой четырнадцатилетний сын Ден.

— Дени, как тебе не стыдно за столом говорить об этом, — одернула его моя жена Нина.

— А о чем кино? — попытался разрядить атмосферу я.

— Об этом... как его, — попробовал вспомнить Ося.

— Сюжет простой, — сказала мама.

— И вместе с тем сложный, — поддержал ее отец.

— А это как двоих похищают, троих убивают и всех нас... изнас... как это по-русски? — спросил Ден.

— Что это мы все об искусстве. Давайте о чем-то другом, — предложила жена.

— Вот именно. Недавно мне позвонила моя подруга. На нее на улице упала эта... как ее... Ну что это со мной! Ничего не могу вспомнить, — в отчаянии воскликнула Юля.

— Успокойся, дорогая. Мы тебе сейчас поможем с помощью наводящих вопросов, — попытался помочь ей Ося. — Скажи, а на какую часть тела твоей подруги упала эта вещь?

— Идиот! Это была летающая... летающая...

— Ну понятно. Мы все знаем, что это была летающая свинина. Они здесь часто пролетят, — ободрил я сестру.

— Свинина летает? — удивилась мама. — Я слышала о говядине, но никогда о свинине.

— Память у меня уже не та, но мне кажется это была и не говядина и не свинина. Хотя что-то кухонное, — заметил отец.

— Хонда. — сказала жена. — А что? Вы же сами сказали, что что-то кухонное.

— Когда твоя жена была последний раз на кухне? — спросила у меня моя мама.

— Не помню, — честно признался я.

— С возрастом память слабеет, — веско заметил Ося. — Надо принимать это... как его... новое такое средство.

— Ваягра, — воскликнул Ден.

— Не думаю, — возразил я. — Я пробовал эту ваягру. Память совершенно не улучшается.

— Даже наоборот ухудшается. Он, когда эту ваягру принял, так я обо всем забыла, — сказала Нина.

— Мне уходить надо. Мы с друзьями в кино идем. Папа ты обещал мне дать девять долларов, — сказал Ден.

— Когда? — удивился я.

— Вчера в пять сорок пять вечера во время игры Портленда с Лос-Анжелесом.

— Я обещал пять шестьдесят. Я точно это помню. — возмутился я.

— Но билет стоит восемь двадцать пять.

— Ты выглядишь на двенадцать. Купи детский за пять двадцать пять. А на оставшиеся

тридцать пять центов позвони домой после сеанса, чтобы мы не волновались. — сказала Нина.

— Он может сэкономить эти тридцать пять центов, — вмешалась Юля. — Я тебе расскажу, как звонить бесплатно. Надо будет всего лишь запомнить комбинацию из шестнадцати цифр и двенадцати слов.

— Ну зачем так сложно. Я использую комбинацию из пятнадцати иероглифов и одиннадцати знаков зодиака, — гордо сказал Ося.

— Ладно. Зачем мелочиться. Я дам ребенку половину недостающей суммы. Он мне помог сделать на акциях двадцать три и четыреста восемьдесят пять тысячных процента в прошлом году, — сказал отец.

— Вечно ты забываешь, — вмешалась мама. — Там было четыреста девяносто пять тысячных. И я готова добавить недостающую часть. Дени показал мне, как сэкономить на налогах две тысячи триста сорок восемь долларов и шестьдесят четыре цента.

Получив деньги, Дени поспешил скрыться. Мама стала подавать свое знаменитое жаркое. Мы увлеклись едой. Первым закончил есть отец.

— Как это я забыл дать Дени мою карточку для пожилых. По ней он мог получить пятидесятипроцентную скидку, — пробормотал он.

Пет в жизни Юлика

Юлик Зельцер прибыл в Америку один. В том его вины не было. Отец с матерью родили его поздно и к тридцати Юликиным годам успели умереть. С женой Юлик прожил очень недолго и развелся так давно, что о ней и не вспоминал. Братьев и сестер у него не было. Что же ему было делать? Не ехать в Америку?

В Америке Юлик вдруг понял, что он один. Американцы поначалу проявили к нему вежливый интерес, но затем забыли. Все другие эмигранты были с семьями. Иногда они приглашали его в гости, но вскоре и им и Юлику это надоело. Город, где жил, был провинциальный. Каких-то особых развлечений в нем не имелось. А те, что имелись были для Юлика недоступны из-за денег и его плохого английского. Поначалу Юлик очень хотел улучшить свой английский. Он прилежно посещал курсы, засыпал с учебником и магнитофоном, но ожидаемых улучшений в языке не произошло. С одной стороны у Юлика не оказалось способностей, с другой — катастрофически не хватало разговорной практики. Юлик смирился с тем, что остаток жизни ему придется говорить главным образом на одном языке и забросил учебу.

С работой тоже ничего не получалось. В свое время родители заставили его поступить в

технический институт, хотя никакого влечения к технике у Юлика никогда не было. Учился он вяло и так же потом работал. Да и работа не требовала повышенной энергии. После института Юлик просидел все время практически на одном и том же стуле в одном и том же КБ, проверяя, составлена ли поступающая документация по государственным стандартам. Государственные стандарты были в Америке другие, если вообще были. Никто не понимал, чем Юлик занимался в России. Пэт, начальник организации, помогающей иммигрантам находить работу, так ему и сказала:

— Не понимаю, кем вы были. Инженером? Каким? Механиком или электриком? Юлик хотел ей объяснить, что кроме механика и электрика есть еще много других инженеров, например, по технике безопасности или по снабжению, но понимал, что с его английским это не возможно. Поэтому он ответил коротко:

— Электриком.

Пет посмотрела на него с недоверием, но сказала, что все будет «ол райт».

«Какой уж там «ол райт», — грустно подумал Юлик. Из электричества он смутно помнил закон Ома и то, что ток имеет обыкновение течь по проводам. Уходя от Пет, Юлик зачем-то обернулся у двери. Пет встретилась с ним взглядом и улыбнулась, как показалось Юлику, игриво. Эта

улыбка и сыграла решающую роль. Ослабленный одиночеством Юлик размяк и на следующий день уже чувствовал себя по уши влюбленным в Пет. Он вспоминал ее лицо, ее одежду, воображал тело под ним. Все это он находил просто замечательным и не понимал, почему Пет работает в таком месте, где надо напускать на себя строгость, очень, по мнению Юлика, ей не идущую.

Пет стала приходиться в его сны. Одета и недоступна. Но однажды она занялась стриптизом, извиваясь постепенно обнажающимся телом. Когда она совсем разделась, Юлик потянулся к ней, но Пет, с испорченным строгостью лицом, спросила: «А вы элетрик или механик?» «Электрик», — нетерпеливо закричал Юлик. «А это только для механиков», — томно зашептала Пет. «Я механик!» — воскликнул Юлик. «А это только для электриков», — ухмыльнулась Пет.

Лет Пет было примерно столько же, сколько и Юлику. Она была довольно красивой женщиной и очень ухоженной. Юлик не знал, есть ли у нее муж и дети, но это его мало интересовало. С семьей или без Пет была для него американкой, богатой, смотрящей с высока, может быть даже презирующей. Юлик понимал, что шансов у него почти нет.

Через неделю Пет позвонила. Юлик взмок от волнения, но все же разобрал, что завтра его

повезут на интервью по поводу работы. Юлик уже знал, что интервью — это очень серьезная вещь, и что к нему надо хорошо подготовиться. Но как готовиться, если завтра уже везут, да еще неизвестно куда. Как сумел он высказал свои опасения Пет, но она опять повторила, что все будет «ол райт» и, как ему показалось, снова игриво попрощалась с ним.

Хозяин небольшой фирмы, куда привезли Юлика, что-то долго и дружелюбно говорил ему. Поначалу Юлик напрягся, чтобы хоть что-то понять, но не понял ничего и перестал вслушиваться. Только в конце, когда хозяин впервые задал ему вопрос и повторил его дважды, Юлику показалось, что он понял. Вроде бы его спрашивали, согласен он или нет. Юлик радостно ответил: «Ес.» Хозяин встал, пожал ему руку и на этом интервью закончилось. «Всего дел-то. А говорили», — подумал Юлик.

На следующий день он уже работал. Ему поручили сматывать электрический кабель с больших катушек. В катушку вставлялся обрезок стальной трубы, за который надо было взяться, поднять катушку и поставить ее на домкраты с вращающимися колесиками. Затем, схватить конец кабеля, дотянуть его до другой катушки, уже стоящей на домкратах, но пустой. Далее следовало закрепить конец на катушке и, вращая его руками,

перемотать на нее нужное количество кабеля. Один фут кабеля весил больше фунта. Через три дня Юлика всего ломило. «Это с непривычки. Зато мускулами обрасту», — утешал себя Юлик. Однако привычка если и появилась, то только к ломоте., не собирающейся проходить, да еще к боли, периодически возникающей, то в одном, то в другом месте. Однажды огромная катушка, поднимать которую пришлось электрокаром, сорвалась с домкратов, покатилаь, сбила зазевавшегося Юлика и прокатилась по нему. Если бы Юлик успел обрасти мускулами, катушка вмяла бы его в пол.

И еще Юлик утешался одной мыслью. Ему казалось, что работая, он становится настоящим американцем. Почти таким же, как Пет. И, кто знает, может наступит когда-нибудь такой момент, что... Ну, а пока Пет, видимо, сжалившись над его измученным телом, позволила ему в его очередном сне немножко поласкать себя.

Как-то Юлику поручили перекусить кабель большими ножницами. Для удобства Юлик пропустил его между ног и, когда после долгой возни, кабель был все же перекушен, его освободившийся конец взмыл вверх, прихватив с собой Юлика. «Только бы яйца были целы», — прозаически думал Юлик, осуществляя вековую мечту человечества о свободном полете. Упал

Юлик удачно, не повредив ни одной катушки. После этого хозяин фирмы предложил ему отдохнуть. «Сколько?» — спросил Юлик. «Лет пять, а лучше десять», — как всегда дружелюбно ответил хозяин.

Дома Юлик тревожно осматривал пах. Но пришла ночь, и Пет, видимо поняв всю серьезность ситуации, развеяла его опасения.

Юлик потерял работу, однако получил возможность увидеть живую Пет. Она встретила его строго. По тому, что Пет в его глазах утратила какую-то часть своей сексуальной привлекательности, Юлик понял, что она взбешена. «Вот, что значит американка, — подумал он. — Наша баба бы орала, топала ногами, а это только стала выглядеть чуть-чуть не такой красивой.»

— Другой работы у нас для вас нет, — сухо сказала Пет. — Разве что...

И Юлика определили в цех, где работали умственно отсталые и инвалиды. Платили ему мало, но эта работа по сравнению с предыдущей имела большие преимущества. Помимо того преимущества, что здесь не надо было напрягать ни мышц, ни чего-либо другого, имелось еще одно. Цех и офис Пет располагались в одном здании. Пет заходила в цех по какой-то своей надобности и Юлик мог часто видеть ее. Юлика Пет не замечала. Как правило, шла спокойная и улыбающаяся

кому-то и от этого смотрелась невероятно привлекательно. Каждый ее шаг, как казалось Юлику, мог служить курсом лечения от импотенции. После появления Пет производительность труда у Юлика повышалась.

Рядом с Юликом работали дебилы. Огромный негр Дерик собирал картонные коробочки. Маленький, с вислой, постоянно мокрой губой Брайан подносил заготовки. Иногда Дерик засыпал, и тогда рядом с ним возникала худая и длинная, как легкоатлетический шест для прыжков в высоту, Мерилин. Она была из нормальных.

— Вставай Дерик, — трясла она его за плечо. — Что ты делал этой ночью?

Дерик испуганно вскидывал голову и громко пукал.

— О, Дерик, — восклицала Мерилин, улыбаясь.

Однажды Юлик увидел, как Брайан подстерег Мерилин в углу, схватил за талию и, порывисто дыша, привлек к себе. Мерилин позволила Брайану поддержать себя несколько секунд, затем мягко освободилась.

— Ну, ну, успокойся, — погладила она Брайана по голове.

Брайан еще немного подышал громко и ушел работать.

До Юлика в цеху уже давно работал еще один

русский, Володя. В России он был литературоведом и специализировался по Мандельштаму. Они с Юликом работали на станках, которые сваривали и обрезали полиэтиленовые мешочки. Принцип у этой работы был такой: надо было опустить, а затем поднять какую-то штучку. Чтобы им не было скучно, Мерилин меняла им станки. Один день Юлик работал на сваривающем, а Володя на обрезающем, другой — наоборот. Но все равно Володя жаловался, что тупеет и забывает Мандельштама. Чтобы его окончательно не забыть, Володя негромко повторял за работой стихи. Вскоре Юлик знал многое из Мандельштама и они с Володей устраивали игру. Юлик произносил какую-то строку, а Володя должен был продолжить.

Себя губя, себе
противореча,
Как моль летит на
огонек полночный...

Начинал Юлик.

Мне хочется уйти из
нашей речи.
За все, чем я обязан
ей бессрочно.

Подхватывал Володя.

Однажды вездесущая Мерелин подслушала их бормотание и пожаловалась на них начальству. Разговаривать на этой работе запрещалось. Их обоих вызвала к себе Пет. Из ее речи Юлик понимал только отдельные слова, но ему казалось, что она говорит следующее:

— Похоже на то, ребята, что вы наконец-то нашли себя в Америке. Всем будет очень жаль, если вас придется уволить. Поэтому постарайтесь соблюдать местные правила...

Юлику подумалось, что так близко он видит Пет, возможно, в последний раз. Если он будет соблюдать местные правила, то его не вызовут в этот кабинет. А, если не будет — то уволят. Ему стало грустно до слез. Неужели все будет продолжаться только в его снах и никогда наяву.

Пет говорила еще долго и закончила на патетической ноте. Что-то об успехе, который подкарауливает каждого, кто прибыл в Америку. В тишине, наступившей после ее слов, послышался негромкий храп. Это спал Володя.

— Что случилось, Володя? — недоуменно спросила Пет, хотя было совершенно ясно, что случилось.

Володя не просыпался. Пет подошла к нему, потрясла за плечо и сказала:

— Вставай, что ты делал этой ночью?

Володя дернулся, проснулся и испуганно пукнул.

— Ах! — воскликнула Пет.

И тут Юлик бросился к ней, схватил за талию и плотно прижал к себе. Его руки заскользили по тем местам на теле Пет, которые он много раз ласкал во сне. «В действительности — чуть чуть мягче», — мелькнула у Юлика короткая мысль, но в следующее мгновение он полностью отдался блаженству, охватившему его. Теплые воздушные струи подняли его и понесли вверх. В сладостном полете Юлик увидел под собой те места, где прошло его детство. Деревья мягко шелестели зеленью, приглашая вскарабкаться. Воды мелкой речушки, где он научился плавать, ласково накатывались на песок, на котором он обгорел впервые. Друзья махали ему руками и кричали радостно: «Юлик, Юлик вернулся!»

Пет осторожно освободилась из его объятий и, впервые за время их общения, улыбнулась доброжелательно и успокаивающе. Это обрадовало Юлика. Он улыбнулся ей в ответ. Губа у него отвисла и по ней потекли слюни. Он повернулся, взял Володю за руку, и они, подпрыгивая на одной ноге и размахивая сцепленными руками, побежали на работу.

Мы и трампы

Всем нашим по почте пришла бумага: явиться такого-то в еврейский центр. Все, конечно, и явились. Потому что, во-первых, бумага пришла; во-вторых, вдруг какой-то еврейский праздник, тогда и покормить бесплатно могут; в-третьих, все равно делать нечего, у нас в Тьмутауне все наши или на содержании общины сидят или уже на вэлфер перешли.

В центре перед нами выступил наш активист Степан Ойкуменович, бывший сионистский лидер из Сыктывкара. В самом начале он надел ермолку и произнес:

— Шма Исраэль!

Мы оживились. Начало его речи тянуло, если не на бесплатную экскурсию в нашу священную родину, то хотя бы на дармовое угощение в синагоге. Но отдав дань своим сионистским убеждениям, Степан Ойкуменович снял ермолку и казал:

— Главная проблема сейчас у всех у нас — это проблема языка. Если вопрос с английским можно считать решенным — мы его никогда не выучим, то вопрос с русским языком остается открытым. Как бы нам этот русский не забыть. Мы должны как можно чаще собираться вместе, чтобы в живом общении развивать и обогащать свой язык. Очень способствуют этому разговорные жанры

искусства. Община разрешила создать из вас театральную труппу и поставить какой-то спектакль на злободневную тему. Сейчас все газеты, от нью-йоркской «Таймс» да лос-анжелоской «Панорамы» пишут о разводе Трампов. Как раз кстати, в наш Тьмутаун на днях эмигрировал известный своими разводами театральный режиссер Бернштейн-Постельник. Он берется написать пьесу о Трампах и осуществить постановку.

Тут появился Берштейн-Постельник, весь, от лица до костюма, какой-то помятый, словно его только что вытянули из чьей-то постели, и сразу закричал:

— Вы должны верить в знания и опыт своего режиссера. Иначе никакого спектакля у нас не получится. Вот, вы, верите?

И он грозно ткнул пальцем в Бетю Бумовну, учительницу из Винницкой области, мать троих детей.

Бетя Бумовна испуганно ойкнула и пролепетала:

— Верю. С таким мужем, как вы, хоть сегодня... под развод.

— Отлично! — закричал Бернштейн-Постельник. — Вот вы и будете играть Иванну Трамп.

На следующий день у нас уже начался, как

сказал Бернштейн-Постельник, репетиционный период. Складывался он очень непросто. Бетя Бумовна никак не могла правильно произнести ключевую фразу пьесы: «Дай мне самолет, «Плазу» и сто пятьдесят миллионов долларов.» Вместо сто пятидесяти миллионов она просила у своего мужа, которого играл сым Бернштейн-Постельник, всего сто пятьдесят долларов и то при этом страшно волновалась и потом долго приходила в себя.

— Сто пятьдесят долларов — большие деньги. Мне их хватит, — робко возражала она, когда режиссер требовал называть сумму, приличествующую жене такого человека, как Трамп.

Тогда Берштейн-Постельник пригрозил ввести в спектакль сцену, в которой пьяный Дональд будет насиловать Иванну, как сказал режиссер, прямо на авнцене при полном свете, не жалея на это дело реализма.

— Ой, не надо, — воскликнула Бетя Бумовна. — Я согласна.

Она с какой-то прощальной тоской посмотрела на нас, затем вся напряглась, судорожно вцепилась в отвороты своей кофточки, хватанула ртом, как перед погружением в морские глубины, побольше воздуха и с ужасом в голосе произнесла:

— Д-двести.

После этого Бетя Бумовна надолго упала в обморок и закончила свою артистическую карьеру.

Бернштейн-Постельник заменил ее Григореттой Львовной, домохозяйкой из Одессы. Она, хотя и была на килограммов пятьдесят тяжелее Бети Бумовны, но зато лишь вчера прибыла из Италии и еще путала доллары с лирами, а лиры переводила в рубли по курсу газеты «Известия» и поэтому была уверена, что сто пятьдесят миллионов долларов в Одессе ее муж, завоблпищеторгом, свободно зарабатывал за месяц.

Только утряслось с главной героиней, как возникли трудности с эротикой. Бернштейн-Постельник решил, Иванна должна раздеться перед публикой.

— Так хотел Антон Павлович Чехов, — сказал он.

— Чехов! — ахнули мы.

— Неужели у нее и с ним что-то было? — спросил Миша, бывший продавец из Москвы, который жил в Америке уже десятый год.

Бернштейн-Постельник с жалостью посмотрел на него и стал объяснять:

— Чехов сказал, что если на сцене есть ружье, то оно должно выстрелить. Неужели вы думаете, что он имел ввиду лишь примитивный дробовик?

— Я полагаю. Он уже тогда думал об израильском автомате «Узи», — гордо произнес

Степан Ойкуменович.

— При чем здесь автомат! — занервничал Берштейн-Постельник. — Под ружьем он имел ввиду людей. Например, если в пьесе есть боксер, то он должен обязательно съездить кому-то по морде. А если манекенщица, хотя и бывшая, то хочешь не хочешь, а... Вы меня понимаете?

— Еще бы! Это же Чехов, — зашумели мы.

А Миша, с радостью человека познавшего истину после долгих лет невежества, закричал:

— Все ясно! Боксер должен съездить этой манекенщице по морде!

— За что? — устало спросил Берштейн-Постельник.

— А чтоб не стреляла в него из ружья, — задорно ответил Миша, — если не имеет лайсенса на ношение оружия.

Берштейн-Постельник подошел к Григоретте Львовне и отчаянным, но хорошо поставленным движением, сдернул с нее платье.

— Теперь, надеюсь, Миша, вам понятно, что с ней надо делать?

— Понятно, — теряя интерес, произнес Миша. — Запретят.

— Это же почему? — с вызовом спросила Григоретта Львовна и совершенно по-чеховски потрянула грудью.

— У нас консервативный штат. Ничего голого

не разрешают, — сказал Миша.

Мы все приуныли. Что же это получается. Мы — русская труппа, а должны играть не по законам выведенным великим русским драматургом Чеховым, а по законам какого-то американского штата.

И тут Берштейн-Постельник показал, что не зря прожил почти всю свою жизнь в доперестроечной России, где искусство выдавать черное за белое было поднято на недостижимую для других народов высоту.

— Голую манекенщицу нельзя, а, скажем, темнокожую туземку из экзотической страны в своей повседневной одежде можно. Но туземки имеют обыкновение ходить голыми и лишь на свои туземные праздники немного покрывают яркой краской кое-какие места на своем теле! — торжественно воскликнул он.

Степан Ойкуменович возразил ему:

— Да, Иванна родилась не в Америке, но и не в африканской саванне. Она словачка или чешка, а словачки или, тем более, чешки также внешне похожи на темнокожих туземок как небесно-голубой стяг великого Израиля на кровавое полотнище Страны Советов.

Берштейн-Постельник заметил, что любой житель Тьмутауна примет Иванну за туземку, потому что не знает, где находится Чехословакия.

Степан Ойкуменович заявил, что если Тьмутаун не дал миру Христофора Колумба, то вовсе не стоит считать его жителей людьми далекими от географии.

Они поспорили на один доллар фудстемпами и Бернштейн-Постельник проиграл.

Все десять случайных прохожих, опрошенных на тьмутаунской улице, знали наверняка, где находится Чехословакия. Семеро сказали, что это часть полинезийской пустыни; двое, что это страна в глубине индонезийского материка и один заявил, что Чехословакия — это курорт в Египте, где он ежегодно отдыхает с женой и детьми.

Бернштейн-Постельник проиграл материально и лишился целого доллара фудстемпами, но победил идейно и с чистой совестью сделала Иванну туземкой, со всеми вытекающими для ее внешнего вида последствиями.

Наш спектакль имел шумный успех. Его посмотрел весь Тьмутаун. В местной газете появилась фотография Григоретты Львовны в праздничном наряде туземки, правда, почему-то с подписью «Обычаи аборигенов Лапландии.» В обиход местных жителей прочно вошла фраза на русском языке, которой супруги Трамп часто обменивались на сцену: «А не пошел бы ты...» Мы были очень довольны тем, что сумели несколько оживить чопорный английский тьмутаунцев, но

самое приятное известие сообщил нам Бернштейн-Постельник на банкете в честь его первого развода на американской земле и женитьбе на Григоретте Львовне, которая к концу репетиционного периода оказалась беременной. Этот банкет на выигранный фудстемп давал Степан Ойкуменович.

— Дональд Трамп подал на нас в суд, — торжественно провозглавил наш режиссер.

— Он предъявил нам иск на сто пятьдесят миллионов долларов за неверное изображение его жизни в нашем спектакле. Это будет самый громкий процесс двадцатого века. Хочу вас обрадовать, у нас нет никаких шансов выиграть его. Сто пятьдесят миллионов долларов мы будем отдавать сто пятьдесят миллионов лет. А это значит, что на все эти годы нам и нашим потомкам обеспеченно внимание американской прессы. Мы будем самыми знаменитыми людьми в Америке на все времена. Ура!

— Ура! — закричали мы и со слезами радости на глазах полезли целоваться друг к другу.

Дружба

Говорят, что в иммиграции дружбы нет. Что люди сидят по своим домам и считают деньги. Неправда это! Я вот что скажу: «Хочешь проверить

своих друзей — предложи им что-то купить у тебя.»

Пригласил я в наш город театр с целью несколько оживить унылую культурную жизнь местной русской общины, и, чего греха таить, подсобирать деньжат для своего очередного проекта, который тоже, между прочим, должен будет оживить жизнь общины и, чего греха таить... Театр хороший, с прекрасными отзывами и со смешной пьесой. Не заезжая халтура, а свои русскоязычные профессионалы. Редкое неординарное событие! Пропустить нельзя! Удовлетворение гарантировано! Впервые в истории... Ну да ладно. Чего-то я увлекся. Ближе к сути. Обзвонил я всех своих друзей, объяснил что к чему и предложил купить билеты. Все необычайно оживились, сказали, что давно хотели увидеть этот театр, что я такой молодец и, между прочим, поинтересовались ценой.

— Двадцать пять долларов, — скромно молвил я.

Друзья исчезли на пару недель. Когда я их отыскал, то выяснилось, что у них в жизни намечаются значительные изменения. И все они, по невероятному совпадению, должны произойти как раз в день спектакля! В реальность этих изменений трудно было бы поверить, если бы не факты. Один из друзей, заядлый домосед, решил наконец-то

выбраться из дому и отправится в короткое кругосветное путешествие. Он предъявил мне билет на самолет, который отлетал точно в семь вечера: время начала представления, и прилетал в десять: время окончания представления. Второй — вручил мне приглашения на свадьбу, начинающуюся, как ни странно, тоже в семь.

— Но ты же уже женат! — воскликнул я.

— Развод в шесть, — сказал жених.

Все остальные заявили, что у них назначены медицинские апойтменты.

— В субботу вечером? — удивился я. — Докторские же офисы закрыты.

— А у нас на это время запланирована скорая помощь.

Это же, как сильно надо ценить дружбу со мной, чтобы пойти на все эти неудобства вместо того, чтобы просто послать меня с моей культурной программой подальше.

Мой новый рассказ

Очередная ссора с женой настигла меня, когда я написал: «День за окном собирался быть чудным. Вставало нежаркое солнце. Разноголосо, но дружно пели птицы, а из кухни тянуло чем-то очень аппетитным.» Это были первые строки моего нового рассказа. В этот момент раздался крик жены

и она выбежала из кухни с большим ножом для разделки мяса в одной руке и слегка окровавленным пальцем — на другой.

— Чем писать всякую ерунду, лучше бы ножи наточил, — возмущенно прокричала она.

Даже, еще не державший в руках книги, младенец знает, что нельзя заявлять писателю, будто бы тот пишет «всякую ерунду». Нет обиды горше. Я бы даже сказал, нет обиды смертельнее. И это я услышал от собственной жены! Слезы навернулись мне на глаза. Я встал и гордо пошел в ванную. Закрывшись там, я открыл краны, чтобы шум воды глушил стенания, которые невольно могли вырваться из моей груди — обида жгла сердце. Я расправил на коленях лист бумаги, достал ручку и продолжал писать свой рассказ. Сразу после «... тянуло чем-то аппетитным» «Мери вышла из кухни и всадила Джону в спину большой кухонный нож. Затем она достала из-под фартука пистолет и разрядила в Джона всю обойму. Глядя на распластавшееся на полу тело, она подумала, что уж э т о Джон ей вряд ли простит. Скорее всего их совместной супружеской жизни наступит конец. А жаль. Она любила Джона, и жили они счастливо. Были, правда, кое-какие мелочи, которые не очень нравились Джону. В день их свадьбы она изменила ему с Томом, Бобом, братьями Симпсон и их отцом (старый развратник обманул ее, сказав, что он

старший из двенадцати братьев). В первый же визит к свекрови, она избила ту до полусмерти. А на десятом году их совместной жизни она сняла со счета все их деньги и укатила во Флориду отдыхать. Муж на несколько лет остался один с шестью детьми, пятеро из которых были грудными.»

В этом месте раздался деликатный стук в дверь и послышался извиняющийся голос жены:

— Прости, дорогой. Я погорячилась. Поверь, я не хотела тебя обидеть. Обида на жену стала как-то до обидного улетучиваться. Я еще пытался заставить себя крикнуть: «На колени! На колени!», но рука уже выводила: «Джон, милый, что я наделала?!» — в ужасе закричала Мери. «Ничего особенного. Просто ты слегка погорячилась, мамочка», — сказал Джон, потирая пулевые отверстия и пытаясь дотянуться до ножа в спине.»

— Открой мне, пожалуйста, дверь, — вежливо попросила жена.

— И что мой зайчик тут пишет? — заворковала она, проглядывая мои листы. — И что он тут пишет? Что ты тут пишешь негодяй?! Разве можно такое писать про женщину?! Я представляю, что ты напишешь обо мне, подлец! А ну убирайся отсюда, пока я не утопила тебя в этой ванне!

Прижимая к груди скомканные женой листы, я выскочил из ванной и бросился к стенному

шкафу. Укрывшись там, я в сплошной темноте, нащупывая бумагу пальцами, люто стал писать: «Слегка погорячилась?!!! — злобно воскликнула Мери. — Как ты смеешь оскорблять свою жену, подонок?! Так получай же!»

И достав из лифчика гранату, Мери метнула ее в Джона. Багровые куски Джона облепили стены и потолок. В воронку журчащими ручьями стала стекать кровь...»

В этот момент в дверь шкафа опять вежливо постучались. Кровь перестала стекать и застыла в ожидании.

ЭКОНОМИЯ

— С моей подружкой Мишель, — запищала пятилетняя Синтия.

— Поедем в Гренландию. Там холодно и вряд ли родители Мишель рискнут привести её sleep over⁷ — предложил её брат Джеральд.

— В Париж, — твердо сказала жена Белла.

— Я за Париж, — покорно согласился я.

— Ура, — без энтузиазма сказала Белла. — А теперь скажи, почему мы будем сидеть дома.

— Не хватит денег. Единственный способ

⁷ sleep over (amer.) — оставаться ночевать.

увидеть Париж — съэкономить. Есть предложения?

— Послать Синтию работать — предложил Джеральд.

— Чтобы съэкономить, каждый из нас должен чем-то пожертвовать, — объяснил я.

Наступила тягостная пауза.

— Я готова пожертвовать своей карьерой маникюрши, — сказала Белла. — Хоть завтра брошу работу.

— А я готова пожертвовать Мишель! — радостно воскликнула Синтия.

— Синтия, что тебе сказал Джеральд? — спросил я.

— Он сказал, что пожертвовать Мишель это провести с ней день в молу⁸.

— А теперь, шутник, объясни ей истинное значение этого слова, — приказал я.

— Видеешь ли, Синтия, — начал Джеральд. — Это слово пошло от древних инков. Их жрецы приводили маленьких детей на высокую стену, доставали ножи...

— Ну хватит! — перебили его мы с женой. — Перестань запугивать ребенка.

— Предлагаю простое решение. Урезаем

⁸ mall (amer.) — большое количество магазинов под одной крышей.

наши расходы вдвое, — сказал я.

— Я предлагаю урезать вдвое расходы на детей. Можно я перееду жить к Мишель? — спросила Синтия.

— Можно, — сказал Джеральд.

— Джеральд, тебе уже четырнадцать лет. Можешь ты предложить, наконец, что-то серьезное, — сказала Белла.

— Хорошо, — согласился Джеральд. — Мама собрала деньги на увеличение груди. Пусть увеличит одну грудь в этом году, а вторую — в следующем.

— Выйди из-за стола! — возмущенно воскликнула жена.

— Да, Джеральд, выйди. А твоё пирожное я отдам своей кукле Мери, — поддержала Беллу Синтия.

Джеральд пожал плечами и гордо удалился.

— Совершенно невоспитанный ребенок, — возмутилась Белла.

— Но не глупый, — заметил я. — Однако это не пройдет.

— Что ты имеешь ввиду? — насторожилась жена.

— Врядли ты захочешь гулять по Парижу с разными грудями.

— Что здесь происходит?! — воскликнула Белла.